

90986

В ЧАСЫ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ДОСУГА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
И САТИРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К ГАЗЕТЕ „ПРОЛЕТАРИЙ“

№ 11. ||

Воскресенье, 15-го октября 1922 г.

|| № 11.

Безработный.

(Быт).

„Уволенный по сокращенью штата“
На улицах, запруженных толпой,
Я в рубище, заплате на заплате,
Брожу, брожу, сутулый и худой.

Эх, мать твою... Нет даже папиросы...
Давно не брит... А на душе—тоска:
Не для меня—ненужного отброса.
Певучий зов фабричного гудка.

Не я там буду, закоптело-потным,
Подслушивать машины стройный гул.
Как тяжело скитаться безработным.
Когда земной бы шар перевернул!

Жена больна и голодны детишки—
Известна уж рабочая нужда,
Когда надежды все—в союзной книжке...
Записан, правда, Биржею труда

Но „места“, видно, не достать до гроба—
—О, много там таких же бедняков.
И чаще взоры вспыхивают злобой,
И тверже сталь жилистых кулаков.

И сердце рвется вновь на баррикады,
Под знамя красное, где Труд лишь властелин.
О, трепещите, нэповские гады,
За стеклами сияющих витрин.

Настанет время—поведем на плаху
Мы вас, последний нанося удар.
Ну а пока—последнюю рубаху—
Смотрите—понесу я на базар.

Вам не жиреть в весельи беззаботном,
Отделавшись подачкой грошевой...
О, это я, всемирный безработный.
Зажгу пожар в грядущем мировой!

Мих. Сагонов.

90986

53

Н. Розановский.

Дымит болото за овинами,
Потемки ткуются в яровом,
А ночь глазами совиными
Моргает за парным бугром.

За лесом матовые лики,
Трава намокая до плеч,
От сочной кровавой брусники
Плывет духмянистая течь.

Иду молочными покосами
В лохмато-стелящем дыму,
Несу с гумна кудель с очесьями
Лесному деду—ведуну.

Быть может, он в льяном кокошнике
Под бой—стрекозью молотбу
Мне, избяному полуношнику,
Соткет кудельную судьбу.

Какквише—1921 г. Июнь



М. Жумаков-Майский.

В степи.

Степь. В степи—ярки. Тысячи лет грызла вода землю и вырыла их.

По яркам крались татары и торчали острыми шапками.

Настигал татарина казак и рубил голову сразу. Голова слетала в траву и мигала глазами,—раз и два. Татарин валился с лошади, а лошадь вырывалась в степь и неслась, пустивши хвост трубой,—пригибая копыла...

Так было сотни лет, за которые выросли у ставок только вербы и, подгнивши, падали.

Не одна скатилась голова, в ярках и в степи,—много,—с каждой брызгала кровь на траву и ложилась пятнами, а потом исчезала, и только голова, обремененная волками, валялась долго,—белея, и далеко видная. Проходил человек, и долго всматривался: чья?!

А потом толкал ногою и говорил:
— Татарская

Или долго и широко крестился, смотря на темные тучи, которые ползли в небе, как бараны, и говорил:
— Казакская сгнула голова.

И ходил страх в степи, шевелил копыла тихо.

А века бежали и одних конопатили в землю, а других сеяли по земле, для того, чтобы был страх, чтобы радость была,—была жизнь...

И жизнь была,—она ютилась в ярках, у ставок—под вербами, чтоб не видно было татарам.

Степь. Долгий яр, а в яру село Хатокобылино. Оно не знает Европ и галстукон,—знает чоботы, деготь, замлы и степь. Знает мужика и пана.—работника и

лодыря. Знает правду и неправду и знает молитву тому, кто там, где-то...

Вот и все. Так было сотни лет, за которые вырос на поларщина на болоте дерн.

А потом дерн резала машина,—железная и живая, которая ела дрова и выдыхала пар.

А по степи бегала „скаженная чавунка“.

Потом война была где-то, из сел новобранцы шли и пели песни. А мужики потом вытирали пот за работой на панском поле, сжимали кулаки и говорили:
— Ну, добре.

И ждали. Ждали от того, кто где-то, и еще от кого-то...

А „оно“ шло,—его несли века. Шло от земли, от мужиков, от душного города, где сбились в клок люди и мысль.

И вышло—широкое, как степь, как солнце радостное, и страшное, как смерть.

Села рождали работников и девчат, которые звонко пели и наливались как яблоки, а „оно“ родило волю, из которой выскочила армия в острых шапках, с красными звездами, и выкатывались быстрые, как татарин, банды.

Головы не падали, а кополись,—потому страх не бегал по степи, а падал в душу и рождал злобу,—которая не хотела неправды.

И стало в степи и по яркам блудить слово: „Революция“.

Мужики знали, что буря ревет в лесу и ревет раздраженный бык, а потому—революция—буря и злоба.

Это слово искало правду,—ее искали в нем села, у которых жизнь правда, потому что с землей она и от земли, а правда—в земле и в мозолях.

Так знали мужики, не так знали в Европе, а мужики не знали Европы, как не знали галстукон. Они знали землю и мозоли и революцию, которая ищет правду. Вот и все.

Пять лет ревет революция в степи—пушками, пулеметами, атаками. И шуршит мужицкими мозгами, которые непременно хотят знать правду. Хочет знать ее и село Хатокобылино и пять лет шевелит мозгами—тяжело, как жерновами на Явтуховом ветряке.

Оно спрашивало:

— А за кого идет Петлюра? А что Деникину нужно? Врангель за кого идет? А советская власть наша власть или не наша?

И всматривалось Хатокобылино зорко, как сова ночью, и видало, как днем:

— „Петлюра—землю панам... Деникин тоже... И Врангель—панам землю. Советская власть—землю мужикам, — А правда в земле и в мозолях,—значит и в Советской власти...“

А предкомнезама Кочерга поел мед, который оно брал по разверстке. Предселисполкома выдул самогон, который забрал у мужиков по закону. А предкомиссар до хвостика сел Грицкову свинью.

Хатокобылино ворочало мозгами и говорило:

— А это неправда.

И ночью за село выходил бандит. А Кочерга брал винтовку, не спал по ночам и с ним боролся за правду, за революцию и ворочал мозгами: „как это вышло, что он сел мед?“ Предсисполкома каялся не пить самогону, а предкомиссар искал азбуку Бухарина.

Хатокобылино ищет правду пять лет, человечество тысячи лет, не нашло еще ни то, ни другое, а она близка,—в нас самих.

Так думала Христия, что—в нас самих...

А взяла это Христия от солнца, от земли и от революции.

— Как это вышло?—спросите.

Скажет вам Христя,—та самая, которую родили мхногий мужик и земляная баба,—а значит земля. Потому у Христи розовые щеки и до пояса падают вечером волосы, когда она расплетает косу. Потому—серые у нее глаза,—с огоньками, маленькими и острыми, как серая осень с солнечным бабьим летом.

От солнца Христя радость взяла,—когда прыгала под ним с ребятами. От земли—взяла силу, когда падала на нее брюхом и грудью и чувала, как эта сила течет.

От революции Христя взяла...

Нет, лучше слушайте, откуда взяла свою душу Христя,—от незабудок и репяхов. От незабудок, нежность взяла, когда смотрела им в глаза, пугливые и синие. От репяхов—дерзость, когда видала, как смотрят они драчливо и розово в самое небо.

А от революции...

Приседали над Хатокобылином ночи и всматривались звездами в него, четко и пристально. Приходили ночи темные, метельные, бурные, завывали в трубах жалобно и в мужицких головах шевелили жуткие сны. Приводили эти ночи не один страх, который бухал с припрыжкой орудиями, четко отрывался выстрелами, разговаривал пулеметами и говорил о крови и головах расколовшихся, о грудях с дырами, с которых расползается по грудям темно-красное, широко и медленно.

В этом поняла Христя две ночи,—снаружи и внутри.

Приходили ночами победители в село, которые потешались над Христиным телом,—два раза.

— А в этом тоже было две ночи,—внутри и снаружи.

И еще была ночь, когда пришел в хату вшивый, замученный, еле живой,—по волосам черным ползло мутно-красное и слепило их, как перья на мокрой курице.

Незабудки проснулись в Христе, и долгие месяцы глядела его как сына, потому же, почему и незабудки глядят всем приветливо в глаза.

И он глядел на Христю, и тогда она чувала, что он огонь, а она сало, которое поджаривают, и потому она тает вся,—тепло и радостно.

А месяцы бежали и приносили со степи в окошко чебрецовый дух, сухой и пьяный. Приносили ночи лунные,—желтые, как спелое жито, и звездные, подмигивавшие хитро,—хитро, как добрая бабушка влюбленной внучке, а он говорил,—все о правде... Говорил так: — Правда тут, в сердце. Живешь, значит прав, а другому мешаешь жить,—неправ. Правда в том, чтоб не мешать другому; постройку переделать нужно, а переделать—значит разобрать ее, а новую сделать...

Он говорил, а ночи бежали. И еще говорил, что есть вселенная и какая она такая, и что знает о ней человек.

И когда, в одну ночь, глазасто-звездную,—отдавалась ему Христя в степном ковыле, то не могла понять, она-ли плавает во вселенной, или вселенная в ней.

Он ушел,—дальше,—разбирать и строить, и Христя видала его всюду: в бороде мирошника Явтуха, когда тот стоял, опершись о перильца на своем ветряке и развевал по ветру бороду. В звездах,—которые мигали сверху ковылю. В ковыле, который покачивался, как пьяный.

Революция не редела в степи,—она ворочалась жерновками в мужицких головах и еще где-то.

Кочерга уже не ел мужицкого меду и продкомиссар выучил азбуку Бухарина. Только predisпокоя все еще глушил по ночам самогон.

Есть церковка в селе Хатокобылине,—она стоит над долгим яром, рядом с ветряком Явтуха. Машинные,—те, что режут дерн, и „скаженная чавунка“ не знают, кто ее строил,—она стояла над яром раньше, чем машины обкурили степь паром. Ее звон тягучий, как досада, полз по степи и стлался вдоль яра давно и стелется теперь. Туда ходят толпами бабы и девчата, и там стоят недоуменные и лупоглазые, машут руками, головами качают и ждут чего-то, от того, кто где-то... Туда несут они слезы, обиды и боля,—как и сто, и двести лет назад. Там учатся терпению, учатся рабству и пробуют остановить историю, которая стоять не любит, потому, что ее без движения нет.

Бабы не знают вселенной, как не знают Европы и шляп,—потому днем бывают в церкви, а ночью в темных плечистых хатах шепчут молитвы, которые слышит потолок, да ихнее сероце. И в этом Христя две ночи чувала, законную одну и нужную, вторую не нужную и страшную,—ту, что внутри у человека...

Есть слово: „Женщина“.

Я люблю это слово,—„же-и-щи-на“. И думаю: Женщина—жизнь. Жизнь—женщина. И меня несет в вечность—в теплую, крыластую, туманную и немного жуткую. Есть еще слово: Женотдел: И тут буква „ж“, а некоторые коммунисты—мужчины с этого слова смеются,—может-быть потому, что напоминает оно им,—тряпки, горшки, пеленки,—то есть то, что вынесли они о женщине вместе со своим мешанством, которое стелется по революции мертвецким саваном.

А о том, что революция летит через голову женщины и прячется в ее горшках, пеленках и тряпках, знает Христя,—потому работает она в женотделе. И на кривой вереве ворот ее хаты каракульками так и написано: „Женотдел села Хатокобылина.“, и внизу подпись: „Христя“. А у маленьких каракулек есть своя маленькая история. Проходили—иногда с ведрами бабы,—год тому назад, и говорили ядно:

— Же-но-отдел. Тыфу!

Теперь не плюются бабы, каракульки победили, и когда бегут через степь тихие вечерние ветра, в Христином женотделе не одна бабья голова, а в которой уже бродит Христина вселенная, жуткая и сокрушающая что-то, там... глубоко,—где ночь внутри темная,—темная.

А Христя руками машет, горит вся и проповедует, что мужика можно бросить, если не люб, и можно любить другого, если лежит душа. Говорит, что в этом—жизнь женщины, свободная и большая. А чебрец ирывается в окно и пьянит бабам головы, свежо и молодо.

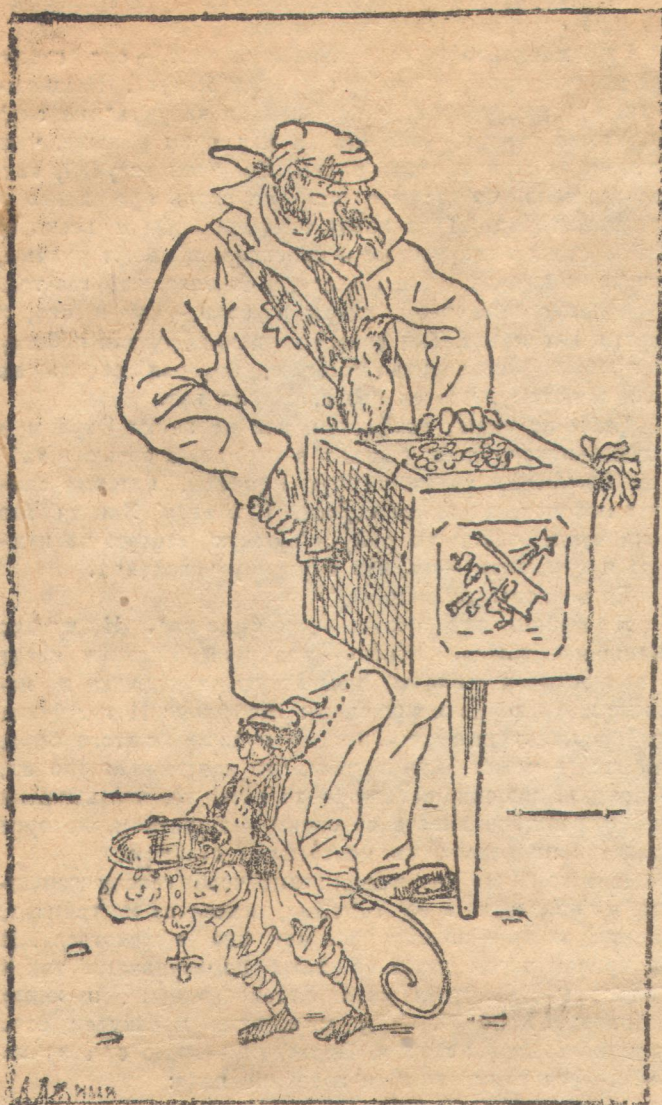
Где-то ложится невидимая грань между рабством и волею, между вселенной и церковью.

В степи не ревет революция, она ворочается в мужицких и бабьих мозгах, тяжело и неключе.

Над степью веет новый век,—от него пугливо отмахиваются крыльями века прошедшие. Тихо в степи,—в ней зреют новые грозы, о том знает ковыль и звезды, которые ему мигают ночью, и их светлые глаза предвещают рассвет.

Сова смотрит пристально ночью, но видит как днем. Тихо в степи.





Граждане, пожертвуйте старику Нонстантану,
бывшему королю греческому!

В О Т Ъ М Е Н О Ч Н О Й

(Страшная повесть)

На товарном дворе, несмотря на то, что давным давно
уже улеглись спать, стоял шум.

Кто-то кричал неестественно и деревянным голосом.
Оказалось—вагоны.

Да, да, самые настоящие товарные вагоны.

— Ты что? Замухрышка трехкопеечная. Какой-нибудь
вагон № 206007, дырявый и ни к чорту негодный. За тебя
взятку-то стыдно брать,—трунил новенький, только что
выпущенный из ремонта вагон над вагоном, хорошо потре-
панным.

— А, вот, поди, разорвись пополам, за меня дали сто
миллионов, а за тебя шиш, да еще без масла. Молчал бы
уж лучше. Тебя, дурака, отремонтировали, а, вот, уже сто-
ишь неделю—ни богу свечка, ни чорту кочерга, государ-
ству одно разорение, и людям от тебя пользы, как от козла
молока

— Что такое? Ах ты, рвань товарная. Это от меня-то
людям пользы, как от козла молока?!.. На мне, брат, уж по-
грели руки, только держись. Ты поди, спроси сначала,
сколько на мне нажили, когда ремонтировали, а потом го-
вори. Загляни в счета, от страха упадешь. Ты против меня
—тьфу,—шантрапа,—и только.

— Я? Шантрапа? А ну, братва, поддержи, я ему сейчас
покажу, как заслуженных обижать.

Вагон разлетелся и с размаху шандарахнул обидчика
в физиономию.

Все вагоны загготали сразу, и гогот эхом прокатился
по всей станции.

У вагона № 115006 от боли навернулись слезы. Ле-
вая сторона вспухла.

Гогот катился из стороны в сторону.

На шум прискакал паровоз.

— Что это такое, заорал он, что за шум? Замолчать!
Тише!

Вагоны стихли.

— В чем дело, говори ты, № 206007, только коротко
и ясно.

— За меня получили смазь в сто миллионов, записал
он, а вот этот молокосос начинает надо мной трунить.
Это надо мной, кто, можно сказать, всю станционную брат-
ву кормит.

— Я говорил, что и мною жили люди, а он мне морду
разбил, хныкал № 115006.

— Врешь, ты всех нас шантрапою назвал, за это ты
и заработал. Не скули, все равно не поверят.

— Болит.

Паровоз посмотрел свысока на одного, потом на дру-
гого, раза два сплюнул, свирепо чихнул и важно приказал:

— Цепляй обоих.

— Куда?

— А вот увидите, куда

Прицепили.

Я вас выучу, как нужно говорить о непозволитель-
ных вещах, разэтакие прохвосты. И так уже ничего не
сделаешь, чтобы не разнохали, а вы тайны разглашать.
Да где же это видано! Что за организация такая! Где дис-
циплина!

И он от зла запишел, подпрыгнул два раза на месте
и с места в карьер полетел с драчунами к тупику.

Я вам покажу, с... цети, как разевать рты. Завтра ре-
портер напишет об этом, а из-за вас хлопай глазами. Ав-
торитет корпорации подрывать! Это вам даром не пройдет!
кричал паровоз.

— Ради бога, пожалей, ради бога, пожалей—пищали
вагоны.

Приехали, и так стукнул о тупик паровоз вагоны, что
оба прикусили язык, вытаращили глаза и закричали зубам
от боли.

— Запомните раз навсегда, что в нашем деле нужно
молчать, самое главное молчать,

Сказал и уехал.

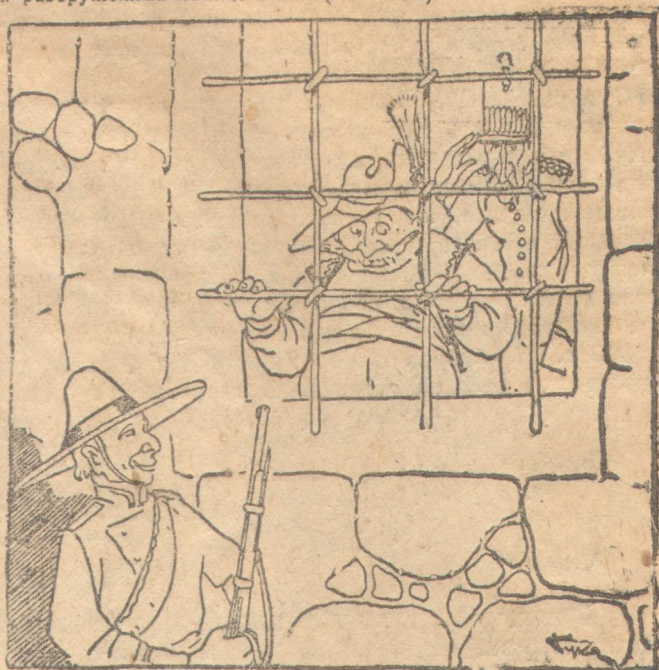
На другой день оба стали большими приятелями, пото-
му, что у обоих оказались свернутыми на бок скулы, а ког-
да за обоих дали «смазь» в сто лимонов, то оба молча по-
целовались, пожали крепко друг другу буфера и слезу пу-
стили.

Костя Клян.



Все в порядке.

В Хуаресе (Мексика) восстал весь местный гарнизон, который выпустил из тюрьмы всех заключенных и на их место посадил своих офицеров и разоруженных полицейских. (Из газет).



Где же часовые? Все ли в порядке?

Часовые на месте—все в порядке.



Признания Шаляпина.

Находящийся в данное время за границей артист Шаляпин изложил корреспонденту газ. „Накануне“ свой политическое „кредо“.

Простой я русский гражданин.
Обыкновенный. Средний.
И лозунг мой всегда один:
„Быть чуждым всяких бредней“.

И потому... не по-пути
Мне было с коммунистами,
Хоть идеалы их порой
Готов признать я... чистыми.

Я Карла Маркса не читал,
Хотя слышал давно я:
Он пролетарский генерал
С широкой бородою.

Ну пусть! Какое дело мне?
Маркс, Марков или другие—
Всем руку я готов пожать
И в сердцу пылкому прижать
И здесь и там... в России.

Большевики? — Готов и им
Я оказать доверье,
Хотя и здорово они
Мне потрепали перья...

То-есть, хочу напомнить я
Событие „в дни оны“,
Когда вдруг ухнули стрёмглав
Мои все миллионы.

Что-ж из того? На голове
Рвать волосы мне, что ли?
Ведь, я не раб: свободен я,
Как вольный ветер в поле...

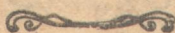
Да, я не раб, и потому
„Охотно и свободно“
Я на коленях пред царем
Раз ползал всенародно...

Ах, право ж, это только был
Патриотизма „фёртель“,
Но благородной крови мне
Не мало он испортил.

Меня завидя, даже друг
В карманы прячет руки...
В чём провинился я? Ужели
В том что протер я брюки?

Но стоит ли из пустяков
Так предаваться злобе:
Ведь, брюк не мало у меня
Осталось в гардеробе...

Г. Кейлин.



Художник А. Б. Козлов.

К 15-летию художественной деятельности.

Среди художников, живущих на Украине, одно из первых места занимает Абрам Борисович Козлов, известность которого в художественном мире выходит далеко за пределы нашей республики.

Сын рабочего, Козлов еще ребенком сам торчал за верстаком. Но у мальчика рано проявилась склонность к живописи, и его отдали в качестве ученика подмастерья к живописцу вывесок, где он больше помогал хозяйке на кухне, чем учился. Но желание и воля преодолевают все. Юношей Козлов из местечка Корсуни, Киевской губ., где он родился, попадает в Одессу, где после долгих мытарств его принимают в художественную школу. С медалью он оканчивает школу Ксстанди в 1903 г. Но-Козлов-еврей. У него нет „права жительства“ в русской столице. И талантливый юноша

без денег пробирается за границу. Несколько лет голодной жизни и борьбы в Париже, — и молодой художник выставляет свои работы в Парижском Салоне. Козлова заметили, его картины стали приобретаться для заграничных музеев.

С тех пор Козлов выставлялся в ряде крупных центров Западной Европы и России, быстро приобретая известность.

В эпоху нашей Великой Революции Козлов, будучи, главным образом, портретистом, отдал много времени и сил работе над портретами вождей революции. У него есть интереснейшие зарисовки вождей Коминтерна, имеющие огромное историческое значение. Козлов живет в настоящее время в Харькове.

И. Т.

Октябрь в театре.

(Письмо из Москвы).

В течение последних десятилетий — дореволюционной эпохи театр катился по плотно убитой колее рутинной, удовлетворяя убогие запросы мелкой буржуазии. Попытки некоторых театров и режиссеров нарушить гнетущие традиции не имели успеха в сытом болоте обывательщины. Да и попытки эти носили характер, в большинстве своем, робкой стилизации. Но и это казалось непростительной дерзостью и, конечно, успеха не имело у тупых буржуа. «Вишневые сады» процветали.

Оперетты самого сального пошиба гордо выпячивали свою прогнившую грудь, украшенную всеми «знаками отличия» продажной прессы и низкими вкусами праздной толпы.

В таком положении встретил театр революцию. Скрытые до сих пор свежие силы, наконец, путем упорной борьбы начали получать права гражданства.

Но увы, театр еще не дорос до революции.

Нопрежнему продолжались ставиться «Царские невесты», «Пиковые дамы», «Дяди Ваня» и «Евгений Онегин».

Все же появились уже симптомы зарождающегося нового театра, ориентировавшегося на октябрь. Поднялись рабочие окраины. Стихийно возникали рабочие и красноармейские театры, ставившие пьесы революционного содержания. Организовался московский и центральный пролеткульт. Работа получила известную систематизацию. Пролеткульт после долгих хлопот получил, наконец, помещение быв. Эрмитаж. Отныне деятельность пролеткульта могла развиваться шире и полнее.

Была поставлена «Лена».

1-го мая 1921 года на Театральной площади перед зданием старой театральной казармы — Большого «Экс-Императорского Театра» на огромных подмостках был инсценирован «Труд» с многоголосой декламацией и общим ритмом станка. Опыт следует признать безусловно удачным.

Рабочий районный театр имени Сафонова поставил «Жоржа Дандена», под режиссурой Еггерта, в декорациях Фердинандова, эту едкую сатиру на «3-е сословие» — бур-

жуазию. Мейерхольд осветил театральный небосклон Москвы «Звездами» по Эмили Верхарну. Поистине эти «звезды» были набатным призывом мирового восстания народов. Затем он поставил В. Маяковского «Мистерию Буфф» — эту прекрасную вещь, отмечающую все фазы классовой борьбы, с апофеозом — мировым Интернационалом. «Мистерия Буфф» ставили для Конгресса Коминтерна. Наконец, он дал «Великодушного Рогоносца» и «Нору» Ибсена.

Государственный Показательный театр дал ряд очень интересных постановок, но, не изображая непосредственно претворенную в театр революцию и будучи лишь провидителем интеллигентской идеологии, вынужден был самой судьбой закрыться.

Раскачался, наконец, Малый театр, поставив «Оливера Твиста» А. Луначарского; комедия быв. Корша, поставила «Слесаря и канцлера», того же автора. «Сверчки на печи» и «Вишневые сады с Дядей Ваней» поколебались, и действительно 3-ья студия моск. худож. акад. театра приняла в лице Вахтангова революцию и едкой сатирой обрушилась на обывательскую тину своей «Принцессой Турандот».

Вот что дал театр октябрю.

Но что же революция дала театру?

Освободив его от мертвящей рутинной, она дала возможность нового подхода к искусству. Московский камерный театр дал новые формы творчества сцены. ГИТИС (государственный институт театрального искусства) ввел успешно био-механику, заменяя ею размаляванные полотна натуралистического театра.

Художественный театр тем временем топтался на месте, поставил оперетту Локко «Дочь Анго». Верно, что это было сделано без умысла, но «Дочь Анго», высмеивающая революцию, вряд ли современна и нужна поднимавшемуся пролетариату. Правда, рабочие и не посещают этот театр, оставляя его остаткам буржуазии и интеллигенции с отставшей идеологией.

Великий перелом совершился, и мы верим, что эти начинания октября, развившись, дадут подлинный, из революции вышедший театр.

Валентин Битт.

Литература и искусство.

Д. Я. Айзман.

В тисках царского режима, в стенах черты оседлости еврейский народ в целом был окружен ореолом „народа—мученика“, „народа—титана“. В условиях национального гнета стиралась линия классового водораздела, стушевывалась классовая борьба внутри еврейства.

Еврейский „народ“ выдвигал певцов своей печали, певцов „народного“ горя, и в кривом зеркале, созданном рукою царского самодержавия, отражался нередко тип матерого еврейского магната—буржуа, носящегося с какими-то духовными страданиями, высокими идеями.

Это ненормальное, но все же бытовое явление в еврействе нашло отклик в творениях целого ряда еврейских писателей, подвизавшихся в русской литературе.

Правда, это не специфически российское явление. Евреи—участники „чужой“ литературы—известны и Англии и Германии и другим странам. И там они изображали горе и страдания еврейской души в художественной форме.

Но гнет царского режима и массовые страдания скопившиеся в тесноте черты еврейского народа здесь, в России, выдвинули целую плеяду еврейских писателей, вошедших в русскую литературу. Самым крупным из них принято считать Семёна Юшкевича, по его же стопам пошел другой из этой плеяды—Давид Айзман, о смерти которого на днях сообщили газеты.

Давид Айзман—выходец из буржуазной еврейской семьи—родился в 1869 году в Николаеве. Идеино эта семья питалась сионизмом в его старой формации. Получив общее среднее образование, он получил сверх того специальное образование в художественном училище в Одессе и Париже.

Свою литературную деятельность начал в „Русском Богатстве“, где напечатал свой первый серьезный рассказ „Немного в стороне“. Там же он напечатал свои рассказы „Приятель“, „Земляки“, „Враги“ и др. Затем он начал появляться во всех толстых журналах: „Совр. Мир“, „Образование“ и сборниках „Знания“, а также в парижском журнале „Амфитеатр“ „Красное Знамя“.

Вся литературная критика встречала Айзмана сочувственно. Его пьесы шли на русской сцене с большим успехом.

Еврейское мещанство, как опора еврейской демократии, вследствие трагических условий своего жития, становилось способным на протест. Националистические мечты окрашивались в революционный цвет, а революционизм был пропитан националистическим духом.

Давид Айзман изображал в своих рассказах быт еврейского мещанства; поэтому его творения не могли не быть революционными.

Одной из сильнейших вещей Айзмана является „Терновый куст“, где изображается семья еврея—лудильщика.

Старший сын бросил бомбу и был повешен, младший после избиения казаками нагайками захватил кровь, а сестра погибла во время вооруженного восстания. Несчастный отец сошел с ума, мать в исступлении бросилась убивать солдат, убивавших революционеров. Но солдаты ее заволокли.

В краткой заметке трудно передать все, что выдвинуло Айзмана в передовые ряды русской литературы.

М. Равич.

По белу свету.

Как насаждается „цивилизация“.

Для характеристики методов, какими „благородная“ Франция насаждает „цивилизацию“ в своих колониях, „Юманите“ приводит следующий эпизод, имевший место в Тунисе и являющийся обычным в колониальной практике.

Господин Маньеваля, французский колонист в Эль Касседе, узнал, что два работающих у него туземца сорвали несколько виноградных кистей. Он велел им явиться к нему и начал их нещадно бить бычьими жилами до потери сознания.

Едва несчастные пришли в себя, как возмущенный Маньеваля приказал связать им руки за спиной и повесить их за руки. Это мучение продолжалось 4 часа, хотя оба тунисца были в обмороке.

Чтобы положить конец этому ужасному зрелищу, позаволил вмешательство возмущенного соседа, арабского колониста. Он перевернул изувеченных людей к гражданскому контролеру. Последний приказал перевести их в госпиталь.

На следующий день, после их прибытия в госпиталь, доктор должен был ампутировать по одной руке каждому из пострадавших. Возможно, что придется ампутировать и другую руку.

К северному полюсу на подводной лодке.

В германских научных кругах большое впечатление произвела брошюра, в которой доказывается, что открытие северного полюса легче всего произвести на подводной лодке, и что путешествие к полюсу может быть таким образом произведено менее, чем в 2 месяца. Проекты открытия северного полюса на аэроплане автор брошюры считает с научной точки зрения несостоятельными, так как такое открытие не дало бы никаких материалов для научных изысканий, в то время как экспедиция на подводной лодке могла бы совершить крупную научную работу.

Германские ученые производят исследование вопроса о пропускной способности подки под ледяными массами вблизи северного полюса. Известная германская верфь „Германия“ заявляет по этому поводу, что она беретса построить подводную лодку, которая вместит восемь человек со всем снаряжением и провиантом на 2 года.

Охота за самыми маленькими бактериями.

В Лондонском медицинском институте производятся в настоящее время опыты по изысканию бактерий-возбудителей инфлуэнцы. Д-р Гордон пришел к выводам, подтверждающим высказанное американскими и японскими учеными мнение, что возбудитель этот настолько маленький организм, что проникнет через мельчайшие поры Беркфельдовского фильтра.

Таким образом медицинская наука стоит на пути к открытию не только бактерий инфлуэнцы, но и целого ряда других болезней человека и животных, возбудители которых такой же „мелкими“, как и возбудитель инфлуэнцы. Все эти бактерии от 3 до 10 раз меньше обыкновенных бактерий. Их нельзя разглядеть без окраски даже в сильнейшие микроскопы, а методы окраски, принятые при других микробах, здесь не достигают цели.

Сейчас в Лондонском медицинском институте эта охота за мельчайшими бактериями производится рядом ученых, и есть надежда на успех в ближайшем будущем.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

для воскресного при-
ложения к газете

„ПРОЛЕТАРИЙ“

В часы о о
о о ДОСУГА

принимаются до четверга,
в 12 часов дня.

Цена за строку непара-
рели 100 р. д. зн. 1922 г.

КАБИНЕТ

для научных занятий
при

Губ. Парт. Библиот.-читальня

Московская, 20,
клуб „Коммунист“.

открыт ежедневно
от 10-4 и 6-10 веч.

Пользоваться кабинетом могут
все члены ком. парт. Работают
в кабинете могут полу-
чать все книги-библиотеки.

ХАРЬКОВСКОЕ КООПЕРАТИВНОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПРОЛЕТАРИЙ“

приступило к своей работе.

ОТКРЫТА подписка на пан товарищества.

Стоимость каждого пая определена в 500 рублей
в ден. зн. 1922 г.

Подписка принимается в агитпропе Губкома, в агитпропах Райпаркомов, в Культотделах всех профсоюзных и в Центральном книжном магазине кооперативного издательства „ПРОЛЕТАРИЙ“—Харьков, Московская, № 18.

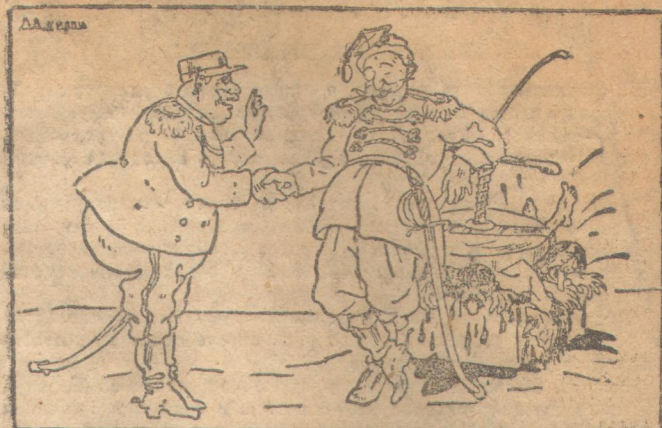
Членами Харьковского кооперативного издательства „Пролетарий“ могут состоять все рабочие, красноармейцы, крестьяне, коммунисты и беспартийные, а также советские, партийные, профессиональные, кооперативные учреждения и организации.

РУКИ КОРОТКИ!



— Стремление к власти.

Маршал Фош выразил восторг по поводу „идеального“ порядка, наведенного в Галиции польскими властями, „обеспечившими население нормальное существование“.



— Идеальный режим.

К СВЕДЕНИЮ КОМИТЕТА ПО БОРЬБЕ
С БЕЗРАБОТИЦЕЙ.

КАК БУДЕТ.

В последних числах октября соберется съезд монархистов для решения спора между претендентами на русский престол.
(Из газет).



Голоса участников с'езда разделились поровну между тремя претендентами. Хоть бы пришел еще кто-нибудь и повал решающий голос.



„В ЧАСЫ ДОСУГА“

отдельно от газеты „ПРОЛЕТАРИИ“ не продается.